

Е.М. Травина

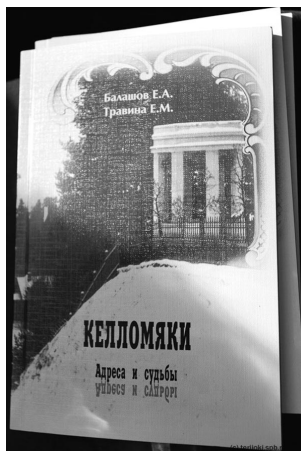
Келломайки: адреса и судьбы

Вышла в свет книга о дореволюционном прошлом поселка Келломайки / **Комарово: Балашов Е. А., Травина Е. М. Келломайки: адреса и судьбы. – СПб.: Карелико, 2011. - 160 с.: ил.**

Ниже публикуем обзор книги, написанный по нашей просьбе одним из авторов.

Книга представляет собой путеводитель по поселку, каким он был сто лет назад, она уникальна тем, что здесь впервые публикуются имена первых дачников селения Келломайки. Их имена стали известны благодаря дореволюционному плану поселка, открытиям, сделанным в архиве финского города Миккели, куда после 1939 г. попали все документы по землевладениям, справочным книгам «Весь Петербург» и Ежегодникам С.-Петербургского купеческого общества. Нашлись потомки нескольких дачевладельцев, а в собраниях коллекционеров оказалось большое число старых открыток, отправленных в Келломайки, с уже знакомыми по другим источникам именами и именами новыми.

Келломайки переводится как «Колокольная гора». Наиболее распространенная версия связывает название поселка со строительством железной дороги: рядом с полотном был повешен кусок шпалы, по которому стучали, созывая рабочих на обед и отмечая начало и конец рабочего дня. А «гора» видна и сейчас, потому что именно здесь, на

пространстве между Куоккало (Репино) и Териоками (Зеленогорск), круто поднимается то ли берег древнего моря, то ли остатки еще более древних гор. Полустанок появился в 1901 г., а через два года его преобразовали в полноценную станцию «Келломяки». Из города до нее можно было доехать за час с небольшим.

Своеобразной «отправной точкой» для путеводителя стала карта художника И. А. Владимирова, выполненная им в 1913 году для келломякского пожарного общества. Она очень подробная: с рельефом местности, со всеми улицами и тупиками, строениями, которые существовали в поселке на тот год. Всего в 1913 г. карта фиксирует 647 участков, которыми владели более 400 человек. Первоначально владельцев было гораздо меньше, потому что в начале межевания, на «нулевом цикле», участки скупались десятками по низким ценам.

Железная дорога стала своеобразной линией, поделившей поселок на две почти равные половины: Лесную и Морскую стороны.

Наиболее дорогие участки находились на Морской стороне: от Вокзальной улицы до Большого проспекта, от Большого вниз к заливу, включая обрыв литоринового уступа, и, наконец, вдоль Приморского шоссе у залива. На высоте, с видом на Финский залив, форты и Кронштадт расположилось 15 участков. Наибольшей известностью пользовалась вилла «Арфа» архитектора Г. В. Барановского, частично сгоревшая в конце Второй мировой войны и окончательно снесенная в конце 40-х. До сих пор украшает Морскую улицу вилла Юхневич, принадлежавшая Александру Мечиславовичу Юхневичу, заведующему театральной комиссией Невского общества устройства народных развлечений. Напротив, на другой стороне Морской, до недавнего времени еще существовала чугунная решетка виллы Рено, которая звала войти в ворота и спуститься по каменной лестнице к каскаду прудов.

По Морской, чуть ближе к железной дороге, расположена дача, принадлежавшая кому-то из большой семьи петербургских домовладельцев Эргардтов. Адольф Андреевич служил главным инспектором Страхового общества «Россия» и проживал на Петроградской стороне, Большой пр., 25. Его брат, купец Эрнест Андреевич, рядом, на Введенской, 8. Дача, которая в настоящее время является резиденцией губернатора С.-Петербурга, числится в охранных списках КГИОП как дача Бормана, и молва приписывает ее «шоколадному королю» Жоржу

Борману. Правда, пока не найдено достоверных документов в пользу этой гипотезы, а по карте 1913 г. участок принадлежит Эргардту.

Резиденция губернатора собрала на своей территории несколько дореволюционных участков: самого художника Владимирова с его дачей «Уголок», купцов-хлеботорговцев Сериковых, владельца Торгового дома И. А. Степанова и семейства Холщевниковых. Все эти дачи были разобраны, видимо, при планировке участка для загородной резиденции первых секретарей Ленинградского обкома КПСС.

До сих пор стоит на обрыве, с каждой весной все больше оседая и разрушаясь, дача Анны Ипполитовны и Фердинанда Адольфовича Канегиссер. Хозяин служил доверенным на меднопрокатном и трубном заводе. Рядом, в частном владении, отреставрированная вилла «Шишка», принадлежавшая фабриканту Йону Гернанду и его жене Йоханне.

Неподалеку расположено несколько дач, которые не входят в охранные списки КГИОП, а значит, могут быть утрачены в любой момент по воле своих владельцев. На Большом, 18, выстроенная в «русском стиле» дача доктора медицины Александра Павловича Куренкова (в ней сейчас располагается выездной детсад). На улице Лейтенантов, 23 – дача купчихи Е. Н. Макаровой (находится в частном владении). Дача, в которой в настоящее время располагается офис Дома отдыха Союза театральных деятелей, когда-то принадлежала семейству Александра Афанасьевича Сидорова, служившего в Министерстве почт и телеграфов.

На Лесной стороне селения Келломяки, в отличие от чисто дачной Морской, находились разнообразные магазины, аптека, парикмахерская, контора по найму прислуги, контора по продаже недвижимости «Север». Доминантой Лесной стороны, в прямом и переносном смысле этого слова, была церковь Сошествия Святого Духа, построенная в 1906 г. келломякским дачевладельцем архитектором Н. Н. Никоновым на пожертвования келломякских же дачников, их родственников и знакомых. Пятиглавая церковь с колокольной сторел в 1917 году. Рядом с церковью располагалась приходская школа, а неподалеку, на Театральной – Цветочной театр «Ритц».

Процветающий курортный поселок в одночасье после Октябрьского переворота 1917 г. превратился, как сейчас говорят, в «депрессивный»

малонаселенный пункт. Финны, получившие независимость, а с ней и свою землю в декабре 1917 года, ничего уже не могли сделать. До революции они еще высказывали недовольство засилием русских на Перешейке, которым был не указ финский «сухой закон», и ради которых приходилось учить язык и терять свою «финскость». Но, что греха таить, дачная и курортная индустрия создавала множество рабочих мест и давала возможность подзаработать местному населению. К лету же 1918 года исчезли «как класс» те, для кого все это затевалось, – дачники. Кто-то погиб от голода в Петрограде, кого-то расстреляли, кто-то догадался эмигрировать сам. Несколько десятков семейств остались «за границей» на своих дачах, и на Комаровском кладбище сохранились могилы Сандиных, Шамониных, Росляковых, Малковых, Сидорова и Шихиных. До 1939 года на свою заграничную дачу советские власти разрешали выезжать семье академика Павлова.

Для всех остальных Келломяки и Питер разделила граница. Пока пустующие дома еще сохраняли «товарный вид», их стали раскатывать на бревна и продавать. Около двухсот было перевезено в городок Ярвенпяя, что не доезжая Хельсинки. Несколько сохранилось там до сих пор.

После войны советская власть сделала попытку превратить посёлок в курортную зону. Здесь возникли санатории, дома отдыха и летние лагеря. Они находились в старых постройках, об истории которых вспоминать было не модно да и опасно, как обо всем до пресловутого 1913 года, с которым любила сравнивать свои достижения советская власть. Под «настоящую» охрану с реставрационными работами попал лишь комплекс построек резиденции первых секретарей обкома КПСС/губернатора Петербурга. Остальные дома разрушались, их латали и перестраивали под свои нужды. И жили, в общем, по воспоминаниям, счастливо (ведь в детстве и юности и вода всегда мокрее). А старые дома... Попользуемся и построим новые, современные, светлые и удобные. (Как при огневом и подсечном земледелии первобытного строя: почва истощилась, и племя перешло на новое место.)

И стали строить... В 90-е «замки феодалов» из красного кирпича с окошками-бойницами, могущими, наверное, выдержать удар баллистической ракеты, с камерами наружного наблюдения на высоченных, кирпичных же, заборах. Но кирпичные стены и камеры не спасали

«авторитетов», которых отстреливали где-то в других местах. В нулевые пошли отдельно стоящие коттеджи и целые коттеджные поселки за такими же необозримыми заборами. Под «горячую руку» чуть не попал под снос дом Анны Ахматовой. Но дачи-модерн уже не спасти.

По количеству VIP-ов на квадратный километр Комарово (как, впрочем, и все побережье Финского залива от Сестрорецка до Зеленогорска) уже может, наверное, соперничать с Рублевкой. И участки приобретаются, и дома строятся, потому что это престижно и «круто», это вводит в клуб избранных. Наверное, справятся с помойками, наймут сторожа, который бы собирал десятки килограммов мусора после очередного уик-энда на Щучьем озере. Как везде, в приличных местах.

Но с последней снесенной дачей-модерн аура личности уйдет, и Комарово превратится в обычный коттеджный поселок, которых теперь сотни на Карельском перешейке.

И нового Комарово никогда не будет, потому что не сохранилось старого.